

Игорь
Кручко-Хистайтулин

ВЕКЗАМЕТРЫ БАХЫТЖАНА КАНАПЬЯНОВА

Черный космос натянул,
крепко звезды застегнул,
Млечный Путь – через плечо,
Сверху – кое-что еще...
Человек глядит вокруг.
Вдруг –
у созвездия Весы
вспомнил, что забыл часы.
Где-то тикают они, позабытые, одни?..

А. Вознесенский

Человеческая культура – плод воображения. С начала времен мы живем во взглядах магов, наделяющих мир правом образа, собирая в них хаос реальности, искусственно разделенной на пространство и время, правду и ложь, жизнь и смерть. Таинство слова, угаданное в магическом кристалле поэзии казахским Борхесом, выдающимся поэтом XX–XXI вв. – Бахытжаном Канапьяновым – видится его читателям не только верным этическим маяком, светлым островом в океане интеллектуальной ночи, но и, как подлинное искусство, является зеркалом метафор и метаморфоз культуры.

На этом камне, где к утру роса,
Я познавал рунические знаки:
Вот вертикаль, виктория с конца –
Четвертый век – когда исчезли саки.

Сменял пергамент кожный пергамин,
А следом эра рисовой бумаги,
А камень вечен, знаками храним,
Что высекли первопроходцы-маги.

Вот знак флажка – успешным будет путь,
Вот знак изгиба – верная дорога.

Я постигал руническую суть,
И в этом видел я веленье Бога.

Вот знак – как перевернутое «И»,
Он снимет чувство замкнутого круга.
Энергию свою ты им храни,
Под знаком этим выйти из недуга.

Вот знак угла – увижу в нем ландшафт,
В садах на склоне гор не тает иней.
Я вспомню детство: мама вяжет шарф
Из шерстяных, мне непонятных линий.

Искусство XX века (при всем его бесконечном разнообразии) – это признание и работа с неизбежностью мифологической/религиозной матрицы человеческого мышления, вопреки попыткам Просвещения отрицать это, а также открытие в религиозном опыте, сюжетах и символике глубокого психологического и эстетического потенциала. Советское искусство также содержало в себе эту традицию: достаточно вспомнить скульптуры Эрнста Неизвестного, вдохновленные искусством палеолита, на некоторые из которых, по воспоминаниям шестидесятников, Хрущев, иногда возлагавший на себя роль главного искусствоведа страны, отреагировал достаточно экстравагантно: «Это что же получается, товарищи, в советской женщине кроме, извиняюсь, дыры ничего нет?» (древнейшие Венеры изображались каменными кольцами). Если же говорить об искусстве национальных республик, то для Кыргызстана это Чингиз Айтматов, который в своих романах и повестях, созданных, подобно текстам Маркеса, в жанре магического реализма, сблизил две темпоральности (с одной стороны, условная рациональность, честные труженики, приближающие построение социализма в Кыргызской ССР, а с другой – таинственный рай вечных архетипов, животные-тотемы в ближайшем лесу, путеводная помощь аруахов), соединив их ритмы и частоты в человеке, позволив мифу проникнуть в мир. Или учитель Бахытжана Канапьянова – Олжас Сулейменов, разгадавший *намадологос* (кочующие навстречу себе слова, блуждающие логосы древних локусов, оставленные дома дологического бытия, неожиданно ставшие обителем современности), дарующий читателю участие в мистерии слова, приглашая языковедов хоть ненадолго стать языковидцами. Бахытжан Канапьянов – чуткий слушатель и читатель, услышавший зов древнего бытия, по мотивам которого он и сотворил свою биографию.

Чай зеленый дышит в пиале,
Мясо яка варится в котле.

К этой ночи подберет ключи
Миру неизвестный манасчи.

Холодом повеет с ледника,
Эпосом вся пенится река.

Даже горы слушают в ночи
То, о чем колдует манасчи.

Искрами безумствует костер,
К нашим лицам пламя распростер.

Чай сменяет водка в пиале,
Мясо яка варится в котле.

Вспорет тьму заговоренный меч,
На рассвете нам не даст прилечь.

Чон боласын, баскалар кичи,
Будь великим, мальчик манасчи!

Многие выдающиеся исследователи, первыми из которых Вячеслав Иванов, Елеазар Мелетинский, Ольга Фрейденберг давно разгадали непреодолимую тягу искусства XX века к мифу, рассматривая ее как порождение эпохи модерна, форму, которую принимало осознание интеллектуальными элитами кризиса цивилизации («Закат Европы», «Сумерки богов», «Весна средневековья», «Восстание против современного мира» и пр.), разочарование в идеях социально-экономического прогресса: американский критик Ф. Рав видит в идеализации мифа прямое выражение ужаса перед историей (так, например, герой Джойса мечтает «пробудиться» от истории), что, конечно, можно расценивать не только как реакцию традиционной культуры на модернизацию, но и как ужас от двух мировых войн, а для казахского поэта – голода и атомной трагедии:

Орнаментом ковра эпох связующая нить проведена –
Как будто за орнаментом бетонная раздвинута стена.
По дневникам отца я букв латинских горечь ощущаю,
И словно опиум – дух первых пятилеток я впитаю.
От голода исчезнет пол-аула и вымрет вся родня.
Камчой на мир взмахнув, последнего в колхоз дед отдает коня.
В степных бараках стынут беспаспортные граждане страны,
Когда всего четыре года до новой мировой войны.
За проволоку колючую цепляясь, рвется эбелек,
Вслед АЛЖИРу и Карлагу атомный встает из шахты век.

Или в пронзительном стихотворении «К Абаю», где оглушительный ужас от современности, заклеившей эту землю на 40 лет полигоном, достигает апофеоза в словах, почти укором брошенных Абаю как ушедшему пророку и хранителю, чье сердце, через которое при жизни проходила трещина мира, теперь наполнено ядом радиации:

Смерти внезапной синдром зарегистрировал врач.
Там, за горами, аул в ночной погружается плач.

Скажи мне, великий поэт, что траурный камень хранит?
 И в недрах накопленный яд сквозь сердце твое не сквозит?
 Наш воздух настоян на нем, им дышит твой бедный народ.
 Тропа у могилы твоей к районной больнице ведет.
 И смерти внезапной синдром опять констатирует врач,
 За полигоном в ауле – распятый антеннами плач.
 Скажи мне, великий поэт...

Виктор Максимов в своей книге «Свет кочевой звезды», посвященной поэзии Бахытжана Канапьянова, назвал его стихи «чередой инженерно-космических видений во всей выпуклой зрелищности, во всей внезапности их взаимопереклички», весьма точно угадав их суть: в XX веке многие великие поэты приходили в литературу, получив техническое и естественно-научное образование (Андрей Вознесенский, Олжас Сулейменов и др.). И если изначальная принадлежность к литературному цеху зачастую лишала своих носителей энергии сопротивления, техническая специальность позволяла человеку преодолеть ложь и суесловие гуманитарной толщи, стирая границы между мирами и оттачивая метафизический дар поэта – физикой, прорывая ткань повседневности, очевидностей, идеократии, среднестатистических научений или исторической амнезии – точной наукой, сквозь белый шум жизни ловя сигналы истории, превращая поэта в антенну вечности.

В еще большей степени это можно сказать о писателях, поэтах и художниках национальных культур, переживших насильственную модернизацию. Для казахов и, по выражению Мурата Ауэзова, конно-кочевой цивилизации XX век стал роковым горнилом, переплавившим вечность кочевых пастухов в ад национальной истории, подарив на века вперед память о рождении, врагах, сновидениях и формах древности молодой нации: незаглушаемое бытие потомков кочевников и шаманов в городах, самые чуткие из которых родились с трещиной мира по сердцу, ноющему по ночам фантомной болью ампутированной культуры предков. В конце концов, «чужих певцов блуждающие сны» не заменили «легенды снов» позабытой с детства культуры.

Душою по миру мы бродим,
 И к ночи зажженным окном
 Мы ищем друг друга,
находим
 В каком-нибудь веке былом.
 Пусть наше угрюмо наследство,
 Но корни сгоревшей травы
 Вновь выплеснут буйное детство
 В грядущую глубь синевы.

Извлекая из глубин памяти архетипические сюжеты и мотивы, поэт слышит их звучание в истории человечества. Такое непрекращающееся производство исторического постмодернизма объяснимо тем, что на онтологическом уровне прошлое – единственная реальность и фундаментальная форма бытия (только то правда, что было), настоящее же – лишь способ становления, т. е. становление

прошлым. Будущее в такой картине мира является лишь отдаленной надеждой становления прошлым, т. е. реально бывшим.

Проходит все,
Бессмертна только память.
Земные и великие дела
Воплощены
В стихах,
 в легендах,
 в камне.
И к предкам память сквозь судьбу вела.

Сверял гекзаметром Афины,
Но не нашел, чего искал.
Передо мной одни руины,
На сто столетий опоздал.
В углу кофейни тихо сел я
Оплакивать свой древний путь...
Найти бы время,
«Одиссею»
Перечитать когда-нибудь.

В сердце степного рельефа книжной культуры современного Казахстана возвышается вавилонская библиотека поэзии Бахытжана Канапьянова, где по спирали восхождения жизни происходит встреча в веках – читателей с автором. Однажды Олжас Сулейменов сказал: «Чтобы стать писателем, нужно прочесть тысячу книг». Жан Бахыт пошел дальше, издав тысячи книг в издательском доме «Жибек жолы». Достаточно вспомнить, например, издание им полного академического собрания трудов Мухтара Ауэзова в пятидесяти томах, или возвращение из забвения литературного наследия репрессированных поэтов: Шакарима, Міржакіпа Дулатова, Ахмета Байтурсынова, Магжана Жумабаева и других. Все эти тексты были написаны на разломе эпох, на краю осыпающейся культуры. Отсюда тревожное вопрошание будущего их авторами, не могущими вернуться в ставшее иллюзорным прошлое. Эсхатологическая глубина этих текстов позволяет дойти в них до конца и заглянуть туда, где заканчивается жизнь и начинается искусство:

Всему миру известна отвага моя,
Я не тот, кто боится воды и огня.
Окрыленный стихами,
 я – сын поднебесья,
мне вздохнуть от врагов
 нет ни ночи, ни дня.
Покорял я вершины Алтая не раз,
До Китая стрела долетала тотчас,
Если только натягивал я тетиву –
Уповал я на сердце, прищуря свой глаз.

Я преграды без устали приступом брал,
После схватки смертельной я льва оседлал.
Если я испугаюсь какой-нибудь шавки,
Пусть земля поглотит – там,
где в страхе я встал.

Творчество Бахытжана Канапьянова традиционно относится к поколению семидесятников, порожденных эпохой безвременья, когда будущее, в которое прорвались, приблизив его, шестидесятники, было запрещено так же как и прошлое, открытое ими (по словам Александра Гениса, будущее заменил план, а прошлое – отчет). Серебро семидесятнического неоромантизма переплавлялось на инструменты чернорабочих исторической памяти, чей тяжкий труд замечаешь во тьме благодаря мерцанию светлой печали их стихотворений. Громадный груз форм героической культуры свободы шестидесятников в условиях ритуализации и нарастающей агонии окружающего мира определил характер следующего поколения художников: эстетическое вольнолюбие, мудрая ирония, политическое равнодушие, книжная память, созерцание истины-в-себе. Поэтическая цивилизация 1970-х годов была расцветом советского модернизма и одновременно – признаком его надвигающейся смерти. И если шестидесятники были акторами – творцами истории, по крайней мере, двух эпох (оттепели и перестройки), семидесятники оставались, скорее, мудрыми непротивленцами. Жизнетворчество Бахытжана Канапьянова выбивается из этого сценария: достаточно вспомнить его участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС или диссидентское стихотворение-поступок, в котором автор ставит диагноз поколению:

Позабывтый мной с детства язык,
пресловутое двуязычие,
При котором теряю свой лик
И приобретаю двуличие.
Я пойму неизвестного мне
уходящего аборигена.

Но когда я среди ночи во сне
перед предком склоняю колено,
Сознаю, что не верит он мне,
как пришельцу из тяжелого плена.
Усмехнется он в той стороне:
ты меня недостойная смена.

Любителям парадоксов будет интересно узнать, что спустя более 30 лет, в эпоху надвигающегося моноязычия Бахытжан Канапьянов стал единственным лауреатом Государственной премии имени Абая по литературе (2020 г.) из казахстанских поэтов, творящих на русском языке.

Его стихи содержат шум времени и гул истории, кажущейся знакомой, но позабытой с детства *родней по вдохновению*. Неслучайно именно он является автором идеи проведения Всемирного дня поэзии, озвучив ее в феврале 1996 года

в Алматы на поэтическом вечере Андрея Вознесенского, Беллы Ахмадулиной и Александра Ткаченко.

В окне мигала мифическими огоньками космостанция, расположенная на одной из вершин Заилийского Алатау. Там астроном Рашид вникал в вечную поэму звездного неба. Принесенные мною эдельвейсы, что цвели по соседству с лабораторией, несмотря на уютное расположение между томами всемирной истории на книжной полке, не желали в ней – в истории – оставаться.

Почему тексты Канапьянова – прибежище бытия, место силы, находиться в котором так хорошо и спокойно («без вина, без отрицания былого»)? Дело в том, что в его стихах, написанных *векзаметрам*, встречаются время истории и время повседневности: стихотворение становится одновременно «точкой сборки» и точкой бифуркации, проходя которую, как сквозь магический кристалл, луч времени расщепляется, порождая мультивселенную поэтического хроноса, открывая нам наши судьбы в прошлых и будущих жизнях.

Немой упрек уничтоженью
Пещерный град Чуфут-кале.
Здесь камень
не подвластен тленью,
Кенасы ждут благослуженья,
Ютятся гнездами в скале.

Боярышником, дерезою,
Шиповником в цветах оброс
Путь, что тянулся вверх
грядую,
Века сминая под собою,
И – подаривший нам вопрос.

Впечатана здесь в древний камень
Векам раскрытая ладонь.
Я воспою ее стихами,
Гирей меня заточит в яме.
Но не свернет с дороги конь.

Последним стану караимом,
Мне с дервишами по пути.
И навсегда расстанусь с Крымом,
Чтоб очутиться в Третьем Риме,
В нем – линию судьбы найти.

Он слушает все, что пишет, находя тайные, сокрытые зрением смыслы, и сопрягает их в пейзажные философемы, похожие на заклинания мага. Очень важно слушать, как Бахытжан Канапьянов, мастер поэтического слова, читает свои стихи, обживая, согревая их, делая метафизические высоты пригодными для жизни.

Имея некоторый опыт работы над творческими проектами под его руководством, могу с уверенностью подтвердить определение Бахытжана Мусахановича, многократно слышанное мной от самых разных людей: он – генератор идей. Все его попутные реплики, ни одна из которых не случайна, запоминаются, потому что каждая из них может стать интеллектуальной судьбой.

Манасчи казахской всемирности, Бахытжан Канапьянов исследует алгоритмы человечности, вечное становление себя – нами. Многие научные открытия и политические решения подвергнутся сомнению и исчезнут, все бесспорное пошатнется и рассыплется в прах, растает, сгорит в огне эпохи, но поэзия будет вечной, ведь мысль по своей природе может быть только вечно становящейся в литературе. У Жан Бахыта это не желание писать красиво или изящно, а проявленное в слове изящество личности, стиль жизни автора, его духовный аристократизм. Читателя в его текстах завораживает и придает сил сочетание стиля с поиском истины. Причем истины не столько научной, сколько метафизической, когда поиск обочивается откровением, а затем – первоуродным знанием.

И птичьим крылом я ладони сложу – и линию жизни
Вижу в ладони – будто с рожденья храню нить Ариадны.

«Раз в столетье – рождается гений / Ну а мы – лишь потомки его!», – пишет Жан Бахыт, напоминая нам первоначальное значение слова «гений» – «хранитель рода» (от греческого «genus» – род – человек, по драгоценным крупичкам вобравший в свою судьбу гениальность рода, племени, этноса, человечества и ставший его хранителем). Небо и земля, о вечном вращении которых пишет наш герой – жернова, откуда на землю падают звезды, завораживающие вечное возвращение гениев. Круги вращаются медленно, поэтому гении так редки. С глубокой древности акт индивидуального творчества порождал своего творца, превращая его в демиурга: от первых рисунков на стенах пещер через изображения действия вокруг них – к первым знакам первого письма. Случайно вспыхнув на заре человечества, индивидуальный голос возвращался, смолкал и снова возникал в культуре, создавая новый логос, нового человека. Бахытжан Канапьянов пишет историю «слишком человеческого», делая его – *к счастью*, человеческим. И этот счастливый случай жизни дарует нам шанс оправдания в истории. Единственный тот шанс на свете.

А может быть, плач поднебесья
И лунный сквозь сумрак аккорд.
Я вижу – из южного детства
Свисающий с неба апорт.

А там, за ночным перевалом,
Встает восприятием сна
Рождественской свечки огарок
И ель, что живет у окна.

А там, где-то там за грядую,
За горной грядую судьбы

Свет горний встает над тропею
Под скрип одинокой арбы.

А там, где-то там на закате,
Начало второго пути.
Мой мир ошибается в дате,
Всё день тот пытаюсь найти.

4 октября 2021 года поэту исполняется 70 лет. К этому празднику Библиотека Павлодарской области им. Торайгырова успешно реализовала литературно-художественный проект «Достояние души». Юные читатели и читательницы, воспитанники детской художественной школы Павлодара, создали прекрасные иллюстрации к стихам одноименной книги юбиляра.

В этот юбилейный год хотелось бы пожелать Бахытжану Мусахановичу еще множество творческих векзаметров, которыми мы, его читатели, будем измерять эпоху.

Игорь Владимирович Крупко родился 4 октября 1995 года в городе Алма-Ате. Историк, специализируется в области культурной антропологии и исторической памяти. Приглашенный лектор международного проекта «Золотая лекция» Евразийской ассоциации педагогических вузов. В настоящее время – докторант, научный сотрудник Международного центра сближения культур под эгидой ЮНЕСКО.

В октябре 2021 года отмечают:

80-летие

Куандык ЖУСИПОВ, критик
Турсын СЫДЫКОВ, литературовед
Абдисаттар ОСПАНОВ, прозаик

70-летие

Бахытжан КАНАПЬЯНОВ, поэт, переводчик
Жеткерген АБДИРЕЙУЛЫ, прозаик

60-летие

Айжарык АБЫЛКАСЫМОВ, поэт

Редакция журнала «Простор» сердечно поздравляет юбиляров!

